

ПОЭЗИЯ В. СКОТТА НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

На материале личного Дневника 30-х гг. XIX в. узника В.К. Кюхельбекера, отбывавшего наказание в Свеаборгской крепости, анализируется характер восприятия поэтического творчества (поэмы, стихотворения, переводы) В. Скотта известным русским поэтом. Выявляется связь вальтер-скоттовской лирики с отдельными литературными произведениями автора Дневника.

Ключевые слова: В. Скотт; В.К. Кюхельбекер; поэзия; рецепция в России.

Дневник В.К. Кюхельбекера начала 1830-х гг. представляет собой уникальное явление русской литературы в контексте изучения рецепции поэтического творчества В. Скотта в России. В этот период чтение и сочинительство были основными видами деятельности узника Кюхельбекера, пребывающего в заключении в Свеаборгской крепости, и именно тогда состоялось его близкое знакомство с поэзией В. Скотта.

Первые упоминания имени В. Скотта на страницах Дневника появляются в середине 1832 г. Согласно дневниковым записям, сборник поэтических сочинений В. Скотта «Poetical Works» в 11 томах 1830 г. попадает к Кюхельбекеру 20 июля 1832 г.: «Мне тотчас принесли с почты “Стихотворения” Скотта...» [1. С. 161]. С этого момента начинается активное изучение В.К. Кюхельбекером поэтического творчества великого шотландца. Процесс знакомства с поэзией В. Скотта методично и очень детально фиксируется В.К. Кюхельбекером в Дневнике. Таким образом, на основе этих записей можно составить впечатление о характере восприятия отдельно взятым русским читателем вальтер-скоттовской поэзии.

Из Дневника очевидно, что К. Кюхельбекер испытывал самые восторженные чувства по отношению к личности В. Скотта и приравнивал его к числу великих писателей всех времен. Дневниковая запись от 5 августа отражает заинтересованность поэта личностью «шотландского чародея»: после прочтения «Рокби» Кюхельбекер знакомится с биографией писателя («Кончил “Рокеби”. Читаю жизнь Вальтера Скотта») [Там же. С. 171].

Несмотря на критические ноты, сопровождающие разбор каждой из вальтер-скоттовских поэм, можно говорить о культе личности В. Скотта в творчестве В.К. Кюхельбекера. Ю.Н. Тынянов в романе «Кюхля» изображает его человеком легко увлекающимся и влюбляющимся: «Когда Кюхля бывал в кого-нибудь влюблен, он по имени не называл. А он был всегда влюблен в кого-нибудь» [2. Т. 1. С. 131]. Дневниковые записи подтверждают, что и в В. Скотта-писателя В.К. Кюхельбекер был в буквальном смысле влюблен: видно, как воодушевляется поэт, начав читать то или иное вальтер-скоттовское произведение. Подобно А.С. Пушкину, ориентирующемуся на В. Скотта и написавшего в своем Дневнике: «Что за чудо Д.<он> Ж.<уан>! я знаю только 5 перв. песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это chef-d’œuvre Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что W. Scott моего мнения» [3. Т. 13. С. 243], – Кюхельбекер также пытается найти нечто общее, объединяю-

щее его с великим шотландцем: «...в известии о Скотте перед его поэмами упоминается, что в детстве он был охотник рассказывать своим товарищам сказки, которые сам выдумывал. Это у него общее с Гете и (осмелюсь ли после таких людей назвать себя?) со мною» [1. С. 171].

Поэмы. Уже на следующий день после получения В.К. Кюхельбекером сборника поэтических сочинений В. Скотта в Дневнике появляется запись о начале чтения первой поэмы «The lay of the last Minstrel»: «Не читал я, а скорее сказать, лакомился стихотворениями Скотта: пробежал только начало его поэмы “The lay of the last Minstrel”: каждый стих – капля нектара для человека, который так давно не читал *нового* хорошего» [Там же. С. 161]. Пояснение понятия «новое» можно найти в записи от 24 июля этого же года: «Прочел две первые песни “The lay of the last Minstrel”; не стану говорить о красотах; давно я не читал столь превосходной новинки (новинки в сравнении с Гомером и Шекспиром <...>)» [Там же. С. 162].

Показательно, что В.К. Кюхельбекер знакомится с поэмами В. Скотта в оригинале, минуя прозаические переводы на русский язык, с которыми, как видно, он не был знаком. В записи от 24 июля 1832 г. сказано: «<...> не помню, чтоб я даже в переводе прежде читал его “Lay”» [Там же]. Несмотря на это, уже после прочтения первой вальтер-скоттовской поэмы В.К. Кюхельбекер замечает тесную связь поэтического и прозаического творчества известного писателя: «Поэма Вальтера Скотта, как в достоинствах, так и в недостатках, похожа на его романы» [Там же. С. 168]. И далее уточняет свою мысль, указывая на подчинение основного содержания произведений В. Скотта историческим деталям, красочным описательным картинам и изображению чувств персонажей: «Подробности чрезвычайно хороши, но – il faut trancher le mot – целое не удовлетворяет меня: заметно, что рассказ, вымысел (le fable) для поэта последнее дело и, так сказать, только придирки для вставки описаний, картин и чувств поэтических» [Там же].

Первая поэма В. Скотта производит на В.К. Кюхельбекера огромное впечатление, так что сразу после ее прочтения он берется за «*Rokeby*», которую поэт также прежде еще не читал и которая нравится ему еще больше первой: «Из всех творений Вальтера Скотта, мне известных, не знаю ничего превосходнее чудесной четвертой песни его “Rokeby”: тут столько красот, что сердце тает и голова кружится» [Там же. С. 168–169].

После прочтения «Рокби» Кюхельбекер обращается к одной из наименее популярных поэм В. Скотта

«The Lord of the Isles». Мнение поэта по поводу данного сочинения не расходится с мнением русских читателей 20-х гг. XIX в. В записи от 14 августа Кюхельбекер указывает на то, что поэме далеко до более ранних поэм известного писателя, а 15 августа, после завершения чтения пятой Песни поэмы, отмечает: «Прочел 5 песнь of “The Lord of the Isles”. Эта поэма как будто бы писана не Скоттом, а каким-нибудь его подражателем Скотта, не вовсе лишенным таланта, но все же подражателем: и приемы, и слог, и даже образ мыслей почти те же, что в “Рокби” и “Lay of the last Minstrel”; однако только недостает – восторга, одушевляющего поэта, когда он создавал первые прелестные две поэмы» [1. С. 174].

21 августа Кюхельбекер фиксирует окончание знакомства с поэмой «The lord of the Isles» и упоминает еще одну поэму В. Скотта «The Vision of Don Roderick». Судя по записи в Дневнике, поэт просматривает «Замечания» к этой поэме, однако более упоминаний об этом произведении в Дневнике не встречается.

28 августа того же года Кюхельбекер принимается за чтение поэмы «Marmion». Ставя эту поэму выше «The Lord of the Isles», автор Дневника отмечает «несколько прозаическое» введение «в духе тех посланий, которыми с 1815 по 25 год была наводняема <...> русская словесность» [Там же. С. 181], и уже через неделю, 4 сентября, указывает на художественные достоинства поэмы: «Прочел сегодня вторую песнь “Мармиона” и введение в третью: в нем более поэзии, нежели в первых двух введениях» [Там же. С. 185].

9 сентября, после прочтения 4-й и 5-й песен «Мармиона», Кюхельбекер называет его «разнообразнее прочих поэм Скотта», однако указывает на ее раздробленный характер, который мог быть вызван все той же обусловленностью повествования второстепенными деталями содержания: «<...> в нем (в “Мармионе”. – М.П.) нет единства; героя с его товарищами беспрестанно теряешь из виду от истинных событий, к которым эти вымышленные лиц, так сказать, привиты» [Там же. С. 186]. Российские читатели, должно быть, как и Кюхельбекер, заметили эту раздробленность «Маримона». Не случайно В.А. Жуковский переводит часть этой поэмы, дает ей заглавие («Суд в подземелье») и, по сути, делает из нее отдельное произведение.

После прочтения последней, шестой, Песни поэмы в дневниковой записи от 10 сентября В.К. Кюхельбекер заключает, что «Мармион» – поэма «по исполнению гораздо ниже “Рокеби” и “Lay of the last Minstrel”», несмотря на «множество прекрасных мест и мыслей» [Там же].

Следующей поэмой, за которую принимается В.К. Кюхельбекер и которая является одной из наиболее популярных поэм В. Скотта в России, становится «The Lady of the Lake». Поэма произвела на В.К. Кюхельбекера немалое впечатление во многом за счет красочных описательных картин, которыми изобилует все творчество В. Скотта: «...оленья охота так жива, так хороша, что, кажется, действительно все сам слышишь и видишь» [Там же. С. 187]. В дневниковой записи от 11 сентября автор дневника впервые цитирует отрывок из поэмы и говорит об особом

«расположении духа», пробуждаемом этим произведением и вдохновляющем на оригинальное творчество: «В моем Дневнике почти нет выписок из Гомера, Шекспира, Мура, Скотта: раз, потому, что надобно выписывать слишком много, а во-вторых, потому, что желаю их читать и перечитывать от доски до доски до тех пор, пока для меня в них ничего не будет нового; однако ж не могу не выписать из “Lady of the Lake”, которую теперь читаю, несколько стихов, пробудивших во мне расположение духа, в каком я много кое-чего написал о том же предмете, между прочим и пиэсу, внесенную в Дневник 4 сентября» [1. С. 187].

«Пиэса», о которой упоминает поэт, – это стихотворение «Море сна» («Мне ведомо море, немой океан: // Над ним беспредельный простерся туман...»), в котором автор описывает свою встречу со старыми друзьями, которых уже нет в этом мире:

<...>

4.

И вдруг я на берегу – будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон любезные лица глядят
И гласы приветные в слух мой летят.

5

[Не их]
Не те ли то, коих я в жизни любил
[Те, коих я некогда]
И коих одели покровы могил,
И с коими рок ли, людей ли вражда
Меня разлучили, – сошлись сюда?

[1. С. 184–185].

Тематически близкие к этому стихотворению строки можно найти в четверостишии, внесенном в Дневник на следующий день, 5 сентября 1832 г.:

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь: удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

[Там же. С. 185].

Очевидно, что на создание этих строк Кюхельбекера вдохновляет чтение «Девы озера», что подтверждает запись 11 сентября и процитированный отрывок из поэмы.

В. Скотт

Again return'd the scenes of youth,
Of confident undoubting truth;
Again his soul he interchanged
With friends whose hearts were long estranged.
They come, in dim procession led,
The cold, the faithless, and the dead;
As warm each hand, each brow as gay,
As if they parted yesterday.
And doubt distracts him at the view –
O were his senses false or true?
Dream'd he of death, or broken vow,
Or is it all a vision now?

[Там же. С. 187].

Подстрочник

Снова вернулись сцены юности,
Уверенной, не сомневающейся истины;
Снова душой общался он
С друзьями, сердца которых давно отделились.
Они идут, смутной чередой,
Холодные, неверные и мертвые;
Каждая рука так тепла, каждое лицо так весело,
Как если бы они расстались вчера.
И сомнение терзает его при этом зрелище –
Были ли его чувства ложными или истинными?
Снилась ли ему смерть, или нарушенный обет,
Или это все видение?

Общий мотив данного отрывка из «Девы озера» В. Скотта и стихотворений В.К. Кюхельбекера, внесенных в Дневник 4 и 5 сентября, – встреча лирического героя с друзьями, которые были ему очень дороги. Тема дружбы, истоки которой – Царскосельский лицей и его знаменитый первый выпуск, занимает одно из центральных мест в творчестве В.К. Кюхельбекера. Для поэта-декабриста друзья навсегда остались символом счастливых лет молодости. Без преувеличения можно сказать, что друзья были смыслом жизни В.К. Кюхельбекера: они поддерживали его в трудные годы заточения, мысль о них помогала ему жить и творить. С уходом из жизни А.С. Грибоедова – 1829 г., А.А. Дельвига – 1831 г., а позже и А.С. Пушкина – 1837 г., уходила молодость поэта, уходила незримая связь с внешним миром, а вместе с ней уходил и смысл существования.

Воспоминания о друзьях, выносимые в лирические отступления поэм, – это характерный композиционный прием, активно использованный В. Скоттом не только в «Деве озера», но и в «Мармионе». В.К. Кюхельбекер, несомненно, должен был обратить на него свое внимание во время знакомства с «Мармионом», тем более, что появление тематических стихов в дневниковых записях поэта совпадает с чтением «Мармиона», однако, очевидно, что «Дева озера» произвела на него в этом отношении гораздо большее впечатление.

Запись от 18 сентября 1832 г. демонстрирует, как читательский восторг Кюхельбекера от первых частей «Девы озера» сменяется критической оценкой ее достоинств и недостатков, согласно которой поэт встраивает поэму в собственную иерархию поэм: «Прочел я 2-ю песнь “Девы озера” (The lady of the Lake); в ней много прекрасного, особенно начало, – однако же она мне кажется слабее первой» [1. С. 189]. Это мнение, однако, со временем меняется. Уже 25 сентября, после прочтения третьей Песни поэмы, В.К. Кюхельбекер снова выражает свой восторг по поводу вальтер-скоттовского повествования, а в записи от 2 октября называет «Деву озера» «чуть ли не лучшей» поэмой у В. Скотта. В записи от 9 октября поэт утверждает в своем решении: «Прочел последнюю песнь “Девы озера”. Во всех шести песнях красоты удивительные... Теперь решительно скажу, что эта поэма кажется мне лучшею Скотта» [Там же. С. 193].

Интерес поэта В.К. Кюхельбекера к творчеству В. Скотта носил не только ознакомительный характер

праздного читателя. В своем Дневнике Кюхельбекер делает акцент на том, что творчество В. Скотта занимает его как профессионала, как человека, причастного к писательской братии: «Если бы Скотт знал, как я его люблю, как ему удивляюсь, какое счастье он доставляет поэту же (да! поэту же, ибо то, что я чувствовал <...> может чувствовать только поэт), – какое счастье доставил он узнику, разделенному с ним морями, – я уверен, что это было бы ему приятно» [1. С. 169].

Таким образом, В.К. Кюхельбекер не только находит в поэзии В. Скотта успокоение души, но и черпает в ней вдохновение для своего собственного творчества. В дневниковой записи от 2 августа поэт напишет: «Читаю “Rokeby” Вальтера Скотта. Слава Богу, начинается брожение моего воображения! Сказка, которую месяцев за пять тому назад не удалось мне обработать драматически, теперь не примет ли форму романтической повести?» [Там же. С. 168].

В Дневнике не раз упоминается о подготовке Кюхельбекера к созданию поэмы, процесс написания которой сопровождался параллельным изучением поэтического творчества В. Скотта. Первое упоминание о замысле написания поэмы датируется 17 августа 1832 г.: «Меня сильно занимает мой новый план: дай-то Бог, чтоб он исполнился. Лицо слепого бандуриста, которому хочу вложить в уста повесть свою, местоположение Закупа, где бы мне хотелось заставить жить его, 1812-й год и другие исторические воспоминания, наконец, собственное мое семейство, пред которым будто бы поэма была пета, – вес это и множество других смутных картин мелькает в моем воображении» [Там же. С. 175]. Эта запись дает понять, что В.К. Кюхельбекер размышляет о написании исторической поэмы в духе традиции вальтер-скоттовского поэтического творчества. Образ слепого бандуриста и его предполагаемые функции в поэме напрямую отсылают к образу барда из «The Lay of the last Minstrel».

8 ноября этого же года В.К. Кюхельбекер сообщает о начале работы над поэмой «Основание Отроча монастыря» (сюжет о создании Отроча монастыря впоследствии будет положен в основу поэмы «Юрий и Ксения»). В записи от 19 ноября поэт пишет о своей ориентированности на вальтер-скоттовские поэмы при создании своего собственного произведения, хотя и называет наряду с В. Скоттом имя поэта Дж. Крабба (1754–1832), который был другом Скотта и, как и многие другие писатели-современники, испытал на себе влияние его поэзии: «Сегодня я кончил первую часть своей поэмы. Пойдет ли вторая так же хорошо, как эта? Я ныне заметил, что Краббе, а не Скотт, вероятно, окажет самое большое влияние на слог и вообще способ изложения моей поэмы: по крайней мере это так в первой части» [Там же. С. 202].

О влиянии В. Скотта напоминает и желание В.К. Кюхельбекера «соблести не только дух, но и размер <...> прстонародной поэзии» [Там же. С. 206], отмеченное в дневниковой записи от 3 декабря. Несмотря на то, что в записи следующего дня (4 декабря), говоря о своей поэме, В.К. Кюхельбекер вновь упоминает стихотворную повесть Крабба «Tales of the Hall» (1819), за ней без труда усматривается

фигура В. Скотта и его стихотворные поэмы как предтеча произведений подобного типа.

Стихотворения. Помимо поэм В. Скотта внимание В.К. Кюхельбекера привлекают также его небольшие стихотворения, баллады и переводы. В дневниковой записи от 1 августа упоминается баллада «The Noble Moringer», которую Кюхельбекер называет «очень милой и вместе поэтической штучкой» [1. С. 168]. 20 августа после упоминания о чтении «The Lord of the Isles» и «Замечаний» к «The Vision of Don Roderick» Кюхельбекер называет также известную балладу Скотта «Thomas the Rhymer», в которой, по его словам, «много оригинального» [Там же. С. 176].

В записи от 7 августа обращает на себя внимание упомянутое стихотворение В. Скотта «Прощание с Музой» («Farewell to the Muse»). В.К. Кюхельбекер делает о нем интересное замечание в своем Дневнике: «Вчера прочел я маленькую лирическую пиэсу Скотта – “Прощание с Музой”»: некоторые стихи тут писаны как будто от моего лица; если не переведу ее, так по крайней мере напишу ей подражание» [Там же. С. 170]. Автор примечаний к Дневнику В.К. Кюхельбекера в издании 1979 г., Н.В. Королева, полагает, что к этому произведению Скотта тематически близки стихотворения «Измена вдохновения» (написано между августом и сентябрем 1832 г.) и «Возврат вдохновения» (датируется 11 ноября 1832 г.) [1. С. 199].

Стихотворение «Измена вдохновения» при всей близости тематики к «Прощанию с Музой» (печаль лирического героя, вызванная уходом вдохновения) отличается от вальтер-скоттовского текста, так как различны обстоятельства, послужившие причиной тоски героев. Герой В. Скотта, являющийся, по сути, хозяином своей судьбы, отпускает Музу, говоря о тщетности попыток вернуть былую силу воображения: «тщетно твое волшебство <...> когда власть его воображения закончилась, // И быстрый пульс чувств дремлет в апатии» («vain thy enchantments <...> when the reign of his fancy is o'er, // And the quick pulse of feeling in apathy slumbers»). Все стихотворение В. Скотта окрашено ностальгической краской неизбежности происходящего. Этот тон стихотворения не будет перенят русским поэтом, который выстраивает свое произведение, используя характерный романтический контраст.

Лирический герой стихотворения обращается к Исфраилу, ангелу поэзии в персидской мифологии, который, по Кюхельбекеру, есть «единственный в поэзии всевластно поверенный, единственно вольный поощрять ее свободный дух» [4. С. 123]:

Сойди же, вестник дивный, вожделенный,
Давно желанный, из страны чудес!

[1. С. 200].

В тоне повествования чувствуются отчаяние, несвобода лирического героя, не властного над своей жизнью, его обусловленность внешними обстоятельствами. Если к лирическому герою В. Скотта Муза приходит и уходит, то для Кюхельбекера вдохновение – небесный дар, который он вымаливает у ангела. Взывая к жителю небес, Исфраилу, с просьбой ниспослать ему вдохновение, герой слышит в ответ «дикий» дьявольский хохот: «Насмешкой злобной на

привет радушный // Мне кто-то адским взором за-сверкал». Контраст дьявольского и божественного заметно драматизирует стихотворение Кюхельбекера, что отличает его от «Прощания с Музой» В. Скотта, но в то же время в «Измене вдохновения» нет той безысходности и смирения. Вдохновение не покидает героя навсегда, оно лишь обманывает его, на время «изменяет» ему, поэтому тема, затронутая поэтом, может иметь продолжение. Кюхельбекер воспользуется этим в своем следующем стихотворении, «Возврат вдохновения». Уже в самом названии видна генетическая связь с «Изменой вдохновения». Оба стихотворения, созданные под влиянием вальтер-скоттовской лирики, становятся, таким образом, связаны между собой в поэтическую дилогию, в которой демонстрируются различные состояния героя, связанные с мучительным процессом поэтического творчества.

Стихотворению «Возврат вдохновения» в дневниковой записи от 11 ноября 1832 г. предшествуют зывание к Богу и благодарность за бесценный дар: «Я бы желал на коленях и со слезами благодарить моего милосердного отца небесного! Нет, то, чего я так боялся, еще не постигло меня: утешительный огонь поэзии еще не угас в моей груди! Благодарю, мой господи, мой боже!» [1. С. 199]. И далее эта молитва будет продолжена, только уже в стихах: «Благий! не до конца меня покинул ты...». Такое своеобразное «перетекание» из одной формы повествования в другую в Дневнике поэта демонстрирует то, как тесно сплетаются для Кюхельбекера понятия *жизнь, поэзия, вера*. Как напишет об этом В.И. Холкин: «И Бог, и поэзия живут, счастливо присутствуя или тягостно отсутствуя, в самых корнях богатой почвы разнообразно одаренной, доброй и вдохновенно просторной души» [4. С. 136].

Таким образом, значение фигуры Скотта-писателя в жизни В.К. Кюхельбекера сложно переоценить. В. Скотт, подобно небожителю, способствует возврату вдохновения, заставляя поэта творить, и дает ему божественную надежду на спасение.

Переводы. В.К. Кюхельбекер, будучи не только поэтом, но и переводчиком, прекрасно знавшим английский язык, проявляет немалый интерес к переводному творчеству В. Скотта. В дневниковой записи от 12 февраля 1832 г. указывается на балладу «William and Helen», перевод знаменитой «Леноры» Г.А. Бюргера, которую В.К. Кюхельбекер сравнивает с «русской» Ленорой В.А. Жуковского: «Сравнивал я подражание Жуковского и Скотта известной балладе Бюргера, но их почти сравнивать нельзя. Если забыть Бюргера и Скотта, так Жуковского “Людмила” хороша, несмотря на многое, в чем бы должно было ее упрекнуть; но еще раз – сравнивать никак не должно “Людмилу” с “Ленорой” Бюргера и с “Теленою” Скотта. Что касается до последней, я в некоторых местах, особенно где изображается скачка мертвеца с любовницей, готов ее предпочесть даже немецкому подлиннику» [1. С. 182]. Интересно, что Кюхельбекер называет здесь балладу В. Скотта именем главной героини, следуя традиции Бюргера и В.А. Жуковского.

Второе упоминание переводов В. Скотта в Дневнике Кюхельбекера можно обнаружить в записи от

12 февраля 1833 г.: «Прочел Скоттово подражание Бюргеровой балладе “Der wilde Jäger”; оно ближе к подлиннику его же подражания Бюргеровой “Леноре”» [1. С. 229]. Обращение к переводу «Дикого охотника» напрямую связано с написанием поэмы «Юрий и Ксения», на что указывается в той же записи от 12 февраля: «Желал бы очень прочесть описание соколиной охоты, да в моих книгах нет. Посмотрю, не говорит ли Кириша Данилов хоть мимоходом об ней: нужно же мне это для мое 4-й песни» [Там же]. Это замечание в очередной раз свидетельствует об ориентации Кюхельбекера на поэзию В. Скотта в контексте собственного поэтического творчества.

Таким образом, несмотря на относительно позднее знакомство с поэтическими сочинениями В. Скотта в их оценке В.К. Кюхельбекер совпадает с мнением читателей 20-х гг. XIX в.: поэтические сочинения Скотта, более всего понравившееся российскому читателю, в иерархии поэтических сочинений В. Скотта, выстроенной Кюхельбекером, также занимают самые первые места. Более того, интерес к поэмам В. Скотта, который проявит В.К. Кюхельбекер в начале 30-х гг., отве-

чает общему настроению в среде русских читателей того периода: не случайно в то же время, как В.К. Кюхельбекер осваивает поэмы В. Скотта, В.А. Жуковский начинает работу над «Судом в подземелье» (перевод второй песни «Мармиона»). Эта часть поэмы о несчастной судьбе заживо погребенной узицы, по сути, посвящена всем тем, кто пострадал от гнета властей, и в их числе – В.К. Кюхельбекеру.

Как видно, несмотря на информационный вакуум, В.К. Кюхельбекер точно следует за основным направлением движения русской эстетической мысли. Подобно В.А. Жуковскому в 30-е гг., он приходит к жанру лиро-эпической поэмы, в процессе освоения которого во многом опирается на поэтические опыты В. Скотта в этом жанре. Так же, как и лиро-эпические сочинения В.А. Жуковского, литературные опыты В.К. Кюхельбекера предвосхитят переход от романтизма к реалистическому методу в русской литературе. Написанная в 1833 г. поэма «Сирота» демонстрирует «отход от прежних протестов против изображения прозаических сторон жизни, характерных для его ранних высказываний» [5. С. 3–18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979.
2. Тынянов Ю.Н. Кюхля. Л.: Худ. лит., 1985.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М.: Воскресенье, 1998.
4. Холкин В.И. Путник одиночного вдохновения (О двух стихотворениях Кюхельбекера) // Русская литература. СПб., 2003. № 4.
5. Романов Н.М. В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1989.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2017 г.

W. SCOTT'S POETRY IN W. KÜCHELBECKER'S DIARY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 19–23.

DOI: 10.17223/15617793/416/3

Maria V. Pavlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubenkomaria@yandex.ru

Keywords: W. Scott; W. Küchelbecker; poetry; reception in Russia.

The article shows the way the particular Russian reader, Wilhelm Küchelbecker, perceived W. Scott's poetry in the 1830s during his imprisonment in Sveaborg. The figure of Küchelbecker was chosen due to the fact that Küchelbecker is one of the brightest representatives of Russian literary intellectuals. His perception of W. Scott's poetry in the above-mentioned period characterizes the peculiarities of perception of W. Scott's creative works in Russia quite accurately, because despite his forced isolation in Sveaborg Küchelbecker follows the main trends in the development of the Russian aesthetic thought. The writer's Diary serving as the main data for this study reflects the steps in Küchelbecker's conversance with creative works of W. Scott. Küchelbecker's Diary at the beginning of the '30s is a unique phenomenon of the Russian literature in the context of reception of W. Scott's literary works in Russia. In this period of time reading and writing were Küchelbecker's main activities at that time. On his diary pages Küchelbecker accurately documents every day he refers to W. Scott's oeuvre, he also describes his emotions and intimate feelings induced by this or that literary piece by W. Scott. As well as most of the readership in Russia, Wilhelm Küchelbecker was fascinated by W. Scott's personality and his oeuvre. He actively gets acquainted with all Scott's poetical works accessible to him at that moment: poems (“The lay of the last minstrel”, “Rokeby”, “The Lady of the lake”, “Marmion”, “The Lord of the Isles”, “The vision of Don Roderick”), short poems (“The noble Moringer”, “Thomas the Rhymer”, “Farewell to the Muse”) and translations by W. Scott (“William and Helen”, “The Wild Huntsman”). W. Scott's poetry not only solaces Küchelbecker's life in prison but also serves as inspiration as well as the source of information for his own creative works. The article shows the connection between W. Scott's and Küchelbecker's oeuvre and analyses the way W. Scott's poetic works and literary method influenced the epigenetics of Küchelbecker's creativity. Similar to Vasilii Zhukovsky, who also took into account W. Scott's oeuvre, with his attempts to shift from poetry to prose Küchelbecker came to the genre of the narrative-lyric poem (or verse novel). Later on Küchelbecker would realize the necessity to move on to Realism, which would forestall the change of literary methods in Russian literature.

REFERENCES

1. Küchelbecker, W. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. A diary. Articles]. Leningrad: Nauka.
2. Tyunyanov, Yu.N. (1985) *Kyukhlya* [Dolly]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
3. Pushkin, A.S. (1998) *Poln. sobr. soch.: v 19 t.* [Complete Works: in 19 vols]. Moscow: Voskresen'ye.
4. Kholkin, V.I. (2003) *Putnik odinochnogo vdokhnoveniya (O dvukh stikhotvoreniyakh Kyukhel'bekera)* [A traveler of solitary inspiration (On two poems by Küchelbecker)]. *Russkaya literatura*. 4.
5. Romanov, N.M. (1989) V.K. Kyukhel'beker [W. Küchelbecker]. In: Küchelbecker, W. *Sochineniya* [Works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 31 January 2017